

УДК 821.161.1-1 (Цветаева М.) ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,45

Стихотворение М. Цветаевой «Об ушедших, отошедших»: трансформация молитвенного канона

О. А. Скрипова
Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается трансформация жанра молитвы в стихотворении, которое входит в единственную книгу гражданской лирики М. Цветаевой «Лебединый стан», ведётся анализ ритмо-мелодической организации, создающей интонацию плача, выявляются особенности цветаевской мифопоэтики.

Ключевые слова: М. Цветаева, жанр молитвы, эмоциональный тон, лирический герой, лирическая книга, «Лебединый стан».

O. A. SKRIPOVA. *M. Tsvetayeva's poem "Ob ushedshikh, otoshedshikh": transformation of the prayer canon*

Abstract. The article considers a transformation of the prayer genre in the poem from the only M. Tsvetayeva's book of civil lyrics "Lebedinyi stan". The rhythm-melodic composition creating the weeping intonation is analyzed, and the peculiarities of Tsvetayeva's mytho-poetry are revealed.

Keywords: M. Tsvetayeva, prayer genre, emotional tone, protagonist, lyric book, "Lebedinyi stan".

Жанр молитвы занимает значительное место в творчестве Марины Цветаевой. Так, в поле зрения исследователей постоянно попадает стихотворение «Молитва» (1909) как первый литературный и жизненный манифест поэта, анализируется влияние псалтырной поэтики на творчество Цветаевой¹. А. Козлова подчёркивает, что «молитвенная лирика Цветаевой менее всего ориентирована на религиозную и литературную традицию молитвословия. Это потребность автора, индивидуальный опыт и эксперимент» [Козлова 2006: 385]. Попытаемся проследить, как трансформируется жанр молитвы в стихотворении «Об ушедших, отошедших» (1920), которое входит в единственную книгу гражданской лирики Цветаевой «Лебединый стан».

«Молитва — сакральный жанр, восходящий к древнейшей гимнической традиции» [Ермоленко 1996: 110]. Форму обращения к высшему божественному началу с хвалой-просьбой можно признать древнейшим сюжетным архетипом, стремящимся к сакральному наполнению. Молитва определяется как «установленный текст, читаемый при обращении к Богу, к святым», и как «обращение верующих с просьбами к Богу, к святым» [Ожегов 1992: 371]. Они разделяются на «просительные, благодарственные и славословия. Первые (просительные) — молитвы в собственном смысле» [Христианство 1995: 127]. Е. Рогачевская анализирует функциональные возможности молитвенного канона, где в уравновешенной композиции равномерно сочетаются исповедальная, просительная, хвалебная и благодарственная части. По наблюдению исследователь-

¹ См.: *Осипов С.* Влияние псалтырной поэтики на творчество Марины Цветаевой. Лирика Марины Цветаевой: XIII Международная научно-тематическая конференция. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. С. 379–385.

ницы, при переходе из богослужебной практики в сферу поэтического творчества молитва сохраняет жанровое своеобразие за счет абсолютизации двух основных черт: обращения и прошения: «Таким образом, жанровое определение литературной молитвы практически совпадает со словарным значением этого слова, где преобладающей является сема прошения» [Рогачевская 1993: 72–73]. Обращение и просьбу как структурно-тематические составляющие архетипной формы отмечают многие исследователи. Стихотворная молитва неизбежно входит в двойной пласт взаимодействий с религиозной (магической, мистической) и поэтической (литературной) парадигмами, что позволяет поставить вопрос об авторской интерпретации канонической мировоззренческой модели. Э. Афанасьева подчёркивает органичность молитвенного дискурса для русской культуры, это неотъемлемая часть русского самосознания, причём молитва чувствительна к любым катаклизмам мирового и личного масштаба, «индивидуально-авторские особенности освоения молитвенного слова концентрируют в себе эстетические, философские, духовные акценты времени в их художественном преломлении и этапы духовно-творческой эволюции писателей» [Афанасьева, 2000].

Жанр молитвы особо актуализируется в Цветаевской книге «Лебединый стан», где добровольческое движение проецируется на христианский миф, где сам лирический субъект переживает личные и всеобщие потрясения, пытается найти духовную опору в «вихрях войн». Революция и Бог в сознании поэта оказываются рядом: «Надо в Революции многое запереть на ключ: всё, кроме сундуков! И, заперев... молча и мужественно вручить этот ключ — Богу» [Цветаева 1995: 517].

В «Лебедином стане» жанр и мотив молитвы присутствует на всех этапах метасюжета книги. Стихотворению «Об ушедших, отошедших» предшествуют такие молитвы, как «Московский герб: герой пронзает гада» (1918), «Ты дал нам мужества» (1918), «В годину гражданских бурь» (1918). Но если в начале книги присутствовала надежда, функция молитвенного слова была охранительная, то к концу книги усиливаются мотивы гибели, обречённости, актуализируется жанр плача. Посмотрим, как подобный эмоциональный тон влияет на жанровую форму молитвы. Стихотворение «Об ушедших — отошедших» (1920) находится в зоне развязки лирического метасюжета книги, в центре которого история героического похода и поражения добровольчества. А лирическая героиня не просто

переживает разлуку с любимым, находящимся в стане обречённых, но и остро со-переживает белогвардейцам, царю, всему народу, поруганной Москве и России, разминувшейся со своей историей. Как отмечает Е. Подшивалова, «смысл Белого похода для лирической героини состоит в добровольной искупительной жертве во имя спасения ценностей христианской культуры и цивилизации» [Подшивалова 2010: 260].

Можно подумать, что в начале стихотворения акцентирован объект молитвы, те, о ком молится лирическая героиня, третье лицо. В первых двух строфах повторяются предлоги «об», «о»:

Об ушедших — отошедших —
В горный лагерь перешедших,
В белый стан тот журавлиный —
Голубиный — лебединый —²

Нанизывание уточняющих друг друга причастий прошедшего времени с семантикой ухода (смерти) — перехода в иной мир образует градацию, отсюда всё возрастающая напряжённость, повышение интонации. Ещё одна градация образована рядом однородных прилагательных, характеризующих иной мир — «горный лагерь», «белый стан»: журавлиный — голубиный — лебединый. Здесь и перекличка с названием книги, и ориентация на народно-поэтическую традицию, где большое значение имеет птичья символика. Настойчивые смысловые повторы (так, слово «стан» определяется в толковом словаре как лагерь, место стоянки) должны создать эффект реальности ирреального. Значит, воины переходят в небесный лагерь. Рифмы подчёркнуто бедные, рифмуются одни и те же части речи, что создаёт ощущение бормотания, всхлипывания, безыскусного плача. В заключающем катрен двустипии неожиданно появляется обращение, но не к богу или святым, как требует молитвенный канон, второе лицо вместо третьего, форма единственного числа вместо множественного:

О тебе, моя высь,
Говорю — отзовись!

Так объект молитвы одновременно оказывается и её адресатом. Все ушедшие олицетворяются в образе выси, от которой лирическая героиня страстно ждёт отклика. Возникает историко-культурная параллель с Ярославной, её плачем — своеобразной

² Сравним с призывом, которым заканчивается стихотворение «Але» (1919):

— Помолись о нашем Воинстве
Завтра утром, на Казанскую.

языческой молитвой. В соответствии с молитвенным каноном взгляд молящегося устремлён снизу вверх. Как пишет Н. Берковский, «Молитва — это всегда зов, *vokativus*, звательный падеж, и зов настаивает думать, что кто-то отозвался или вот-вот готов отозваться» [Берковский 1973: 199].

Параллельно выстраивается и вторая строфа, где ведущими художественными приёмами также являются градация и перифраз, «центральный образ начинает развёртываться не динамически, а статически, не развиваться, а уточняться», что, по наблюдению М. Гаспарова, является существенной тенденцией в поэтике Цветаевой 1920-х годов [Гаспаров 2001: 142]. Нанизываются всё новые ассоциации к адресату цветаевской молитвы-плача:

О молодых дубовых рощах
В небо росших — и не взрослых,
Об упавших и не вставших, —
В вечность перекочевавших, —

Столкновение однокоренных причастий несовершенного и совершенного вида «росших — не взрослых» подчёркивает прерванное действие, не доведённое до конца, безвременность гибели «младых дубовых рощ». Повтор отрицательных конструкций «не взрослых», «не вставших» усиливает скорбную интонацию, характерную для причети. Параллелизм первой и второй строф наблюдается даже на морфемном уровне: повторяются причастия с приставкой пере- (перешедших — перекочевавших). Но если в первой строфе был переход в иное пространство (стан, лагерь), то во второй строфе — переход из времени в Вечность, при этом Вечность обретает пространственные характеристики, поскольку туда можно «перекочевать». Так развивается в книге «Лебединый стан» характерный для Цветаевой мотив кочевий.

Перечисление вновь завершается характерным для молитвы обращением и призывом об отклике, вести, но притяжательное местоимение единственного числа сменяется множественным «наша»: «О тебе, *наша* Честь, Воздыхаю — дай весть!». Здесь лирическая героиня говорит от имени народа, ушедшие воины становятся олицетворённой честью не для неё одной. Отметим, что абстрактная лексика (высь, честь) связана с мотивом развоплощения, перехода в иной мир. Старославянизм «воздыхаю» соответствует высокому молитвенному настрою, в то же время «воздыхать» — значит не только «советовать», но и «любить» (ср. «воздыхатель»). Эмоциональным напряжением, в котором постоянно

пребывает лирическая героиня, она приближает к себе любимого и всё святое воинство.

Начало третьей строфы, нарушая заданный в первых строфах параллелизм, подчёркивает это напряжённое стремление лирической героини высь:

Каждый вечер, каждый вечер
Руки Вам тяну навстречу.

Это не просто воздетые в молитве руки, это жест надежды, надежды на долгожданную встречу. Вечер подспудно противопоставлен Вечности, подчёркнута повторяемость жеста лирической героини, многократность мольбы. В третьей строфе на первый план выдвигается лирический субъект, его состояние, возрастает активность лирической героини: (ср. говорю — воздыхаю — руки тяну).

Интонационная напряжённость возникает за счёт лексического повтора, риторического восклицания («Там, в просторах голубиных — Сколько у меня любимых!»), внутренних пауз. Во всём стихотворении четырёхстопный хорей катренов сменяется двухударным дольником заключительных двустопных, создающего ощущение сбоя, прерывистости дыхания. Это противоречит «молитвенному состоянию душевной тишины и сосредоточенного покоя» [Ермоленко 1996: 114]. Подобная интонация скорее характерна для жанра причети.

Последнее двустопие вроде бы содержит просьбу к Богу, но в отличие от других цветаевских молитв здесь адресат прямо не назван, сохраняется принцип неопределённости (это может быть Бог, возлюбленный, святое воинство, олицетворяющее для лирической героини высь и честь). Тем самым подчёркивается ощущения безысходности, лирическая героиня словно бы уже не знает, на кого уповать в катастрофическом мире. Зато в последнем двустопии впервые появляется местоимение первого лица — «я»:

Я на красной Руси
Зажилась — вознеси!

Обратим внимание на оксюморонное сочетание «красной Руси» (у Есенина будет «Русь советская»). «Красной Руси» противостоят «просторы голубиные», между этими пространственными полюсами находится лирическая героиня. В сжатом виде проигрывается архетипический сюжет «жизни-смерти-вознесения». Лирическая героиня просит о вознесении, чтобы последовать за любимыми. Именно молитвенное слово даёт человеку возможность воссоединиться с ушедшими близкими.

Анализ мелодики стихотворения позволяет проследить динамику лирического переживания. Ведущую роль в стихотворении играют ассонансы, причём звуковые повторы обусловлены лексическими и морфологическими повторами. Так, в первой строфе доминируют закрытые гласные *э-и*: «Ушедших-отошедших-перешедших-белый-голубиный-журавлиный-лебединый-о тебе-высь-отзовись». Несмотря на повышающуюся интонацию, здесь наблюдается эмоциональная сдержанность. Во второй строфе нарастает интонация плача, повторяются открытые гласные звуки, сначала *о*, потом *а*: «дубовых-роцах-росших-не взрослых-упавших-не вставших-перекочевавших». Третья строфа синтезирует в мелодическом отношении две предыдущие, здесь чередуются открытые и закрытые гласные, а в последнем двустопии впервые появляются открытые слоги в смежных рифмах: «Руси-Вознеси», отсюда — эффект протяжного зова, устремлённого к небу.

Установка молящегося на духовное преображение или преображение окружающего мира в процессе богообщения особо актуализируется в кризисные периоды истории. В книге стихов «Лебединый стан» мы видим разные лики молящегося субъекта: патриот-летописец, воин, мать, жена-Ярославна, при этом сильно автобиографическое начало. Лик лирического субъекта и сама бушующая эпоха гражданской войны влияет на жанровую форму молитвы, задаёт направление её трансформации. Молитва может сближаться с агитационно-патетическими жанрами, заговором, плачем, используются разные мифопоэтические модели. Как отмечает Н. Осипова, «М. Цветаева — поэт, у которого мифопоэтическое начало творчества определяется не только общекультурными традициями, не только близостью к философско-эстетическим исканиям

XX века, но и личным мироощущением» [Осипова 2000: 18]. Мироощущение поэта во многом определяет и особую страстность цветаевских молитв, их эмоциональный накал, взыскующее обращение к святым и к Богу.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьева Э. М.* «Молитва» в русской лирике XIX века: логика жанровой эволюции: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Томск, 2000.
- Ермоленко С. И.* Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. — 420 с.
- Гаспаров М. Л.* О русской поэзии. — СПб.: Азбука, 2001. — 480 с.
- Козлова А. А.* К жанру молитвы в поэзии Марины Цветаевой // Лики Марины Цветаевой: XIII Международная научно-тематическая конференция. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. С. 385–391.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. — М., 1992. — 960 с.
- Осипова Н. О.* Творчество М. И. Цветаевой в контексте культурной мифологии Серебряного века. — Киров, 2000.
- Подшивалова Е. А.* Лекции по русской литературе 1920–1930-х годов. Ч. 1. — Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2010. — 266 с.
- Рогачевская Е. Б.* Молитвенное творчество Кирилла Туровского (проблемы текстологии и поэтики): дисс. канд. филол. наук. — М., 1993.
- Христианство: Словарь. В 2 т. Т. 2. М., 1995. С. 127.
- Цветаева М.* Лебединый стан. — М.: «Берег», 1991.
- Цветаева М. И.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 4. — М.: Эллис Лак, 1994–1995.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Скрипова Ольга Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания Уральского государственного педагогического университета.
 Адрес: 620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
 Эл. почта: olga-skripova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga Alexandrovna Scripova is a Candidate of Philology, Docent of the Department of Literature and Methods of Teaching of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).